

ЗАТЕРЯННАЯ СТАТЬЯ О КАЗАНИ

Публикация И. Яковлева

В письмах из вятской ссылки, говоря о своих литературных работах, Герцен дважды упоминает законченную им статью о Казани. Первое упоминание содержится в письме к Н. А. Полевому от 2 сентября 1836 г.: «К моей статье о Вятке я прибавил Казань и Пермь...», — пишет Герцен (I, 324). Второе упоминание находим в письме к Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру, относящемся ко второй половине или к концу октября 1836 г. В ответ на вопрос московских друзей, что может он прислать для печати, Герцен сообщает перечень своих *готовых работ*. В этом перечне под номером вторым названы «Письма о Казани, Перми и Вятке», при этом названы со следующей существенной оговоркой: «могу, прислать первое», т. е. *письмо о Казани* (I, 338).

Ни авторы первичных публикаций цитированных писем («Научное слово», 1900, IV, стр. 149 и «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 15—16), ни М. К. Лемке, ни последующие исследователи не снабдили приведенные письма какими бы то ни было примечаниями. Письмо о Казани оставалось до сих пор не только не разысканным, но и вовсе не учитывалось в герценовской био-библиографии.

Между тем, статья Герцена о Казани действительно была написана и опубликована под заглавием «*Письмо из провинции*» в разделе «Смесь» третьей книги «Очерков России», издаваемых Вадимом Пассеком. Статья была подписана инициалами А. Г. Книга вышла из печати в Москве в начале 1840 г. (цензурное разрешение — 16 февраля).

Принадлежность «*Письма из провинции*» Герцену устанавливается, помимо совпадения инициалов, самим содержанием статьи: факты, изложенные в ней, совершенно совпадают с фактами герценовской биографии. В «*Былом и думах*» Герцен подробно рассказывает, как после девятимесячного заключения он был отправлен в пермскую ссылку, как переезжал Волгу «во всем блеске весеннего разлива» (XII, 243), как провел три дня в Казани и все три дня эти «бродил с жандармом по городу» (XII, 245). Найдем мы в «*Былом и думах*» также и то представление о Казани как о рубеже между Востоком и Западом, которое запечатлено и в «*Письме из провинции*»: «Татарки с открытыми лицами, скуластые мужья их, правоверные мечети рядом с православными церквями, — все это напоминает Азию и Восток. Во Владимире, Нижнем подозревается близость к Москве, здесь — даль от нее» (XII, 245).

В «*Былом и думах*» раскрываются отдельные неясные намеки, которые встречаются в «*Письме из провинции*», например, досада автора на то, что «обстоятельства не позволили основательно изучить Казань». Как известно, «обстоятельства» эти — поднадзорное положение Герцена, проезжавшего через Казань по пути в ссылку (в Пермь), и запрещение со стороны казанского губернатора задерживаться в Казани долее, чем на три дня. Отметим попутно, что биограф Герцена найдет в «*Письме из провинции*» и новые факты — например, сведения о посещении Казанского университета и «музеума» — между тем как ни в жизнеописаниях Герцена, ни в «канве биографии», составленной М. К. Лемке (XXII, 199), об этом не упомянуто ни словом.

Принадлежность «*Письма из провинции*» Герцену подтверждается, сверх того, при сопоставлении их с двумя другими, хронологически близкими текстами. Приведем их.

«*Письмо из провинции*»:

«Маленький городок Чебоксары не похож на наши маленькие городки великороссийские. Я тут в первый раз заметил даль от Москвы: толпы черемис и чувашей <...> ясно сказали о въезде в другую полосу России...».

«*Письмо из провинции*»:

«Хорошо встарину писали путешествия, с большим порядком; например, Плато Карпини мало того, что в предисловии говорит, о чем речь в главах, но даже в самых главах систематически предрасполагает порядок изложения. За Плато Карпини не угоняешься...».

«*Арест и высылка*», 1835 (I, 184):

«В Чебоксарах я вымерил всю даль от Москвы. Тут толпы чувашей и татар напоминали близость Азии...».

«*Еще из записок одного молодого человека*». (Написано в конце тридцатых годов и напечатано в 1841 г.—II, 440):

«Плато Карпини, например, рассказывает свое путешествие, как по писанному, и, сказав в начале: „dicendo de cibis dicendum est de moribus“*, знает уже, что как опишешь десерт, так и следует о нравах. Я сколько ни думал, не придумал, в какой порядок привести любопытные отрывки из моего журнала...».

Эти отдельные совпадения и факты убеждают, что автором публикуемого «Письма» действительно является Герцен. Теперь необходимо ответить на вопросы: когда было написано это небольшое произведение, в связи с какими литературными замыслами Герцена оно возникло и, наконец, когда и каким путем попало в третью книгу «*Очерков России*», издаваемых Вадимом Пассеком?

Прежде всего несомненно, что перед нами отнюдь не частное письмо к друзьям, писанное Герценом с дороги, по пути в ссылку. Будь это так, наш текст, очевидно, датировался бы весной 1835 г.: Герцен останавливался в Казани 21—23 апреля. В действительности же перед нами литературное произведение автобиографического содержания, написанное в жанре «путевых писем» и являющееся частью более обширного замысла — целого цикла таких «путевых писем». В этом убеждает нас не только сохранившееся в переписке Герцена заглавие цикла — «Письма о Казани, Перми и Вятке», но и самый зачин публикуемого очерка со ссылкой на знаменитые «письма» итальянского путешественника XIII века Плато Карпини «*Liber tartarorum*» («Книга о татарах») — письма, содержащие рассказ о путешествии папского посла к хану Батюю через Волгу и Урал. Ссылка на книгу Плато Карпини использована Герценом двояко: с одной стороны, для того, чтобы со всей ясностью определить жанр написанного им очерка именно как *путевого письма*; с другой — для того, чтобы намекнуть читателю на свое подневольное положение: автору хотелось бы «сравняться с Плато Карпини», который, «насмотревшись досыта на татар, уехал на родину...» Последнее замечание уже само по себе указывает на то, что «Письмо из провинции», автобиографически основа которого очевидна, было написано Герценом еще в период ссылки, т. е. между 1835—1837 гг., а не перед самым его опубликованием в 1839—1840 гг., когда Герцен уже возвратился. Но, как сказано выше, в переписке Герцена имеется и уточняющая дата: об окончании работы над статьей, или письмом о Казани Герцен впервые сообщил 2 сентября 1836 г. (I, 321).

Остается выяснить, когда и каким путем попало «Письмо из провинции» в «*Очерки России*», издаваемые Вадимом Пассеком. Для этого необходимо вкратце напомнить историю взаимоотношений Герцена с издателем этих сборников.

Вадим Васильевич Пассек (1808—1842) был ближайшим университетским товарищем и другом Герцена и Огарева. В ту пору он разделял свободолюбивые стремления их кружка. «Вадим <...>», — писал Герцен в «Былом и думах», — ненавидел от всей души самовластье и крепко прижал нас к своей груди, как только встретился» (XII, 128). Арест и ссылка Герцена и Огарева не только разлучили друзей, но и развели их в разные стороны. Во второй половине тридцатых годов взгляды Вадима Пассека претерпели существенное изменение. Он стал славянофилом, человеком религиозным, приверженцем и проводником идеологии официальной, или казенной, народности.

* сказав о пище, надо сказать о нравах (лат.).

Изданные им в 1838—1842 гг. пять сборников «Очерки России» и содержанием помещенных в них материалов и составом сотрудников свидетельствуют о принадлежности их издателя и редактора к консервативному лагерю. Возникает вопрос, каким образом могла оказаться в одном из этих сборников герценовская статья?

Наиболее вероятным является предположение, что рукопись «Письма из провинции» была переслана автором Вадиму Пассеку еще в 1836 г., когда Пассек только что начал собирать материалы для задуманного им журнала. Выражая в своих письмах периода ссылки негодование по поводу начавшегося отхода Пассека от демократических и революционных идей его юности (I, 223), Герцен, тем не менее, окончательно не разрывал с ним личных отношений. Отношения эти сохранялись и благодаря тому, что Пассек с 1832 г. был женат на Т. П. Кучиной — «корчевской кузине» Герцена, подруге его детства и юности. И когда Пассек и его жена, весьма деятельно участвовавшая в литературно-издательских предприятиях мужа, обратились в 1836 г. к Герцену с просьбой поддержать своим участием проектируемый ими журнал (впоследствии сборник), Герцен, хотя и неохотно и, повидимому, не сразу, но все же, в конце концов, удовлетворил их просьбу. О том же, что Пассеки осенью 1836 г. обращались к Герцену с такой просьбой, известно из двух его писем. В первом — к Н. А. Захарьиной от 14 октября 1836 г. читаем: «Сейчас я получил письмо от Тат<ь>няны> Петр<ов>ны». Это забавно, — год не писал ее муж, а теперь издает журнал, так требует моей помощи. *Pas si bête!* * я не принадлежу к тем молодым писателям, которым достаточно свистнуть, чтобы получить статью» (I, 337). Во втором письме — к Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру, датированном октябрем—ноябрем 1836 г., Герцен сообщал: «От Вадима Пассека получил письмо с требованием статей для будущего журнала; отвечал ни то, ни се...» (I, 339). Напомним: в начале того же письма он извещает московских друзей, что у него готово «Письмо о Казани» и что он может прислать его для печати.

Несомненно, что повторными просьбами В. Пассек и «корчевская кузина» добились своего и получили от Герцена материалы, оказавшиеся у него под рукой, в том числе и недавно написанный первый очерк из цикла «Письма о Казани, Перми и Вятке». Косвенным подтверждением этого является тот факт, что рукопись одного из написанных в Вятке автобиографических очерков Герцена, по содержанию весьма близко примыкающего к «Письму из провинции», оказалась в бумагах Т. П. Пассек. Текст этого очерка был воспроизведен в ее воспоминаниях «Из дальних лет» (т. II, стр. 33—38) и отсюда перепечатан Лемке под заглавием «Арест и высылка» (I, 180—186).

Издание журнала, задуманное Вадимом Пассеком, как сказано, не осуществилось; вместо журнала с 1838 г. он начал издавать неперіодические сборники «Очерки России». Почему рукопись Герцена, находившаяся, как мы думаем, в распоряжении Пассека с 1836 г., была напечатана не в первых двух, а лишь в третьей книге, неизвестно. Предположение, что рукопись была доставлена Герценом Пассеку не в 1836 г., а в конце 1839 г. или в самом начале 1840 г. (третья книжка вышла в феврале), кажется нам маловероятным.

Подводя в дневнике 1842 г., после смерти В. Пассека, итог своим отношениям с ним, Герцен писал: «В 1840 году мы встретились в Петербурге (впервые после ареста и ссылки Герцена.— *И. Я.*); расстояние между нами было непреходимое; но я тогда в нем оценил прекрасного семейного человека, и мы сблизились опять и так остались до его кончины» (III, 51). Это новое сближение, впрочем, лишь внешне-бытовое, произошло осенью 1840 г., а именно в октябре, т. е. спустя семь-восемь месяцев после выхода в свет третьей книги «Очерков России».

«Непреходимое расстояние», разделившее Герцена и Пассека, не помешало, однако, Пассеку напечатать в своем сборнике давно уже попавшую к нему герценовскую рукопись. Правда, статья Герцена была подписана в книжке не полным именем автора, а только его инициалами и напечатана была в сопровождении полемических замечаний Диомида Пассека — брата и единомышленника издателя «Очерков России». Замечания эти включены в статью «Воспоминания о Сибири и Казани (Письмо к издателю)», напечатанную за подписью «Д. П — ь» непосредственно вслед за герценовским «Письмом из провинции» («Очерки России», кн. третья, стр. 21—26).

* Я не так глуп! (франц.).

Полемизируя с Герценом, автор «Воспоминаний» пишет: «Я не согласен с мнением, что Казань есть место встречи двух миров: азиатского с европейским. Казань, точно, соединяет в себе европеизм с азиатством, но это соединение только механическое. Азиатство не проникает в жизнь общества и не придает ему характера европейско-азиатского: русское первенствует и составляет основу и всю силу общества. Азиатство Казани состоит в том, что несколько улиц города населено татарами, что часть про

КАЗАНЬ. БАШНЯ СУМБЕКИ

Литография 1846 г. с рисунка А. Дюрана 1839 г.

Исторический музей, Москва

мышленности и торговли в руках татар. Казань, точно, есть центр азиатства, но азиатства, зашедшего на север и занявшего пространство от Волги до Уральских гор; в ней *собственное* азиатство, а не азиатство от влияния на нее, в настоящее время, Азии.

По моему мнению, Казань вовсе не место встречи и свидания двух миров: азиатский круг ее отделен от Азии населенными вовсе не азиатского характера или совершенно чуждыми азиатству Казани. За Уральскими горами, начиная с самого хребта до Байкальского моря, жители исполнены деятельности, предприимчивости, братства, гражданской семейности — одним словом, всех начал европейской жизни. Там та же Россия, новая, мощная, живая: родное дитя Руси. И таким огромным промежутком, истинно европейским, отделена Азия от европейско-азиатского пространства, где Казань служит центром» (там же, стр. 22—23).

ТАТАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ БЛИЗ КАЗАНИ
Литография 1847 г. с рисунка А. Дюрана 1839 г.
Исторический музей, Москва

И дальше: «Никогда Казань не делается главным караван-сараям, чрез который будут идти идеи из Европы в Азию. Для этого есть другие пункты, уже теперь находящиеся в прямой связи с Азией; Оренбург и Астрахань в Европейской России и Кяхта в Сибири, пока не изберут удобнейшего места на границах Китая» (там же, стр. 23—24).

Диомид Пассек не понял смысла статьи, с которой полемизировал. Герцен доказывал, что проводившаяся правительством в XVIII в. политика создания и укрепления единой государственности для многонациональной страны, политика приобщения народов Поволжья к русской культуре, достигшей уже высокой степени своего национального развития, была явлением прогрессивным. Диомид же Пассек сосредоточил спор вокруг вопроса о культурно-географических границах между «Европой» и «Азией».

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Вы хотите, друзья, чтоб я вам сообщал мои наблюдения, замечания о дальнем крае, куда меня забросила судьба: извольте. Но с чего начать? В каком порядке передавать вам мысли? Хорошо встарину писали путешествия, с большим порядком; напр<имер>, Плано Карпини мало того, что в предисловии говорит, о чем речь в главах, но даже в самых главах систематически предрасполагает порядок изложения. За Плано Карпини не угодяешься, его книга переведена с латинского, читается всеми образованными людьми, а кто будет переводить мои письма на латинский язык? В одном хотелось бы сравняться с Плано Карпини... он, насмотревшись досыта на татар, уехал на родину...

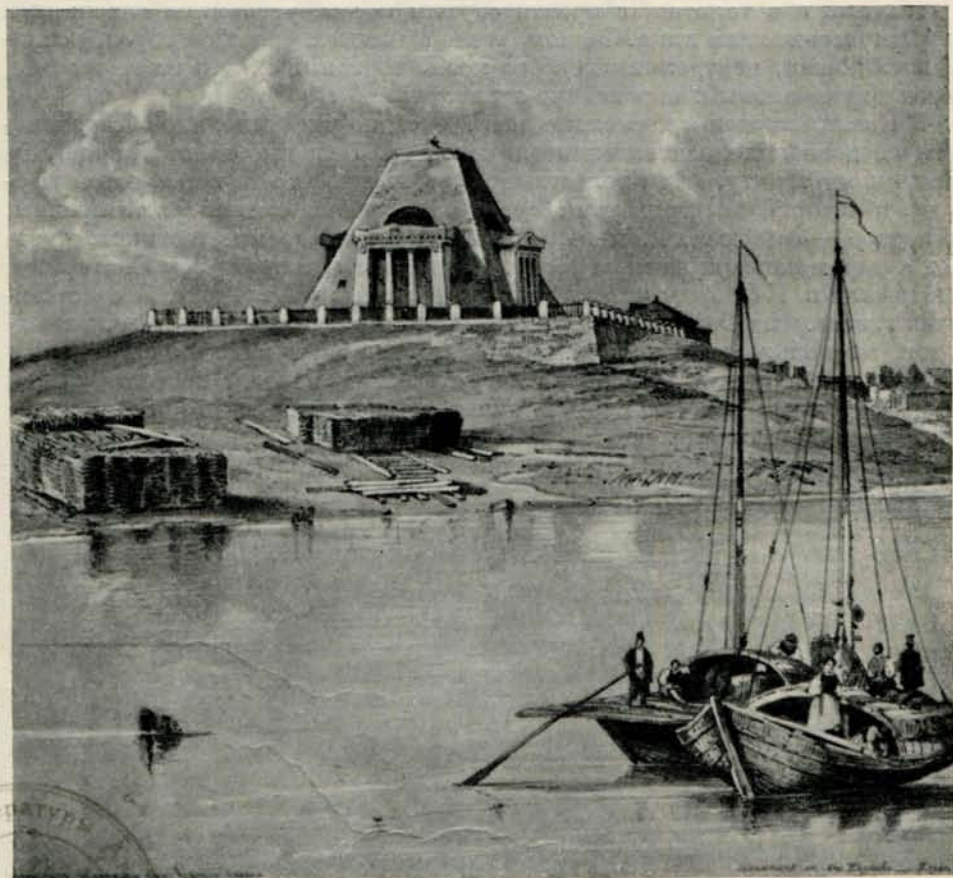
Je suis en Asie!

Catherine II à Voltaire, de Casan.*

Маленький городок *Чебоксары* не похож на наши маленькие городки великороссийские. Я тут в первый раз заметил даль от Москвы: толпы

* «Я в Азии!». Екатерина II Вольтеру, из Казани (франц.).

черемис и чувашей, их пестрый наряд, странное наречие и певучее произношение — ясно сказали о въезде в другую полосу России, запечатленную особым характером. До Казанской губернии мало заметно пространство, отделяющее от древней столицы, особенно в городах. Владимир, Нижний, слитые с нею в продолжение нескольких веков, живущие ее жизнью, похожи на дальние кварталы Москвы. У них одно средоточие, к нему всё примкнуто. Около Казани своя полоса. Казань, некоторым образом, главное место, средоточие губерний, прилегающих к ней с юга и востока: они получают чрез нее просвещение, обычаи и моды. Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке; здесь они от непрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Далее, на восток, слабеет начало европейское, далее на запад мертвеет восточное начало. Ежели России назначено, как провидел Великий Петр, перенести запад в Азию и ознакомить Европу с востоком, то нет сомнения, что Казань — главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу. Это выразумел Казанский университет. Ежели бы он ограничил свое призвание распространением одной европейской науки, значение его осталось бы второстепенным; он долго не мог бы догнать

ПАМЯТНИК ВОИНАМ, ПАВШИМ ПРИ ВЗЯТИИ КАЗАНИ

Литография с рисунка Эдуарда Турнелли, 1839 г.

Исторический музей, Москва

не только германские университеты, но наши, напр<имер>, Московский и Дерптский; а теперь он стоит рядом с ними, заняв самобытное место, принадлежащее ему по месту рождения. На его кафедрах преподаются в обширном объеме восточные литературы, и преподаются часто азиатцами; в его музеумах больше одежд, рукописей, древностей, монет *китайских, манчжурских, тибетских*, нежели *европейских*. Удивитесь ли вы после этого, встретив в рядах его студентов *бурят*? Но всё это наша Русь, святая Русь: я это *чувствовал*, приплыв по разливу Волги к стенам кремля. Казанский кремль, как Нижегородский, имеет родственное сходство с Московским кремлем: это меньшие братья его. Греческая вера и византийское зодчество привились глубоко к жизни Руси. Смотря на наши соборы и кремль, как будто слышится родной напев и родной говор.

Подъезжая к Казани на пароме, первое, что я увидел, был памятник царя Иоанна Васильевича. Здесь он на месте, здесь Грозный исполнил великое; здесь он был герой и предтеча Петра, силою оружий занявший место для простора идеям его, для простора русскому духу.

Положение города нехорошо. Казань по-татарски значит *котел*; в самом деле, он во впадине; беден чистой водою; в нем много сырых мест. Строения довольно чисты; главные улицы красивы; на них всё живо; везде толпятся, кричат, шумят; множество бурлаков с атлетической красотой форм; множество татар с продажными *ичигами* и *тибетейками* *, с халатами и в халатах, с приплюснутым носом, узенькими глазками и хитрым выражением лица. Словом, везде вы видите большой город, исполненный жизни, центральный своего края, торговый и, что всего важнее, город двуначальный: европейско-азиатский.

В Казани провел я несколько дней. Досадно мне было, что обстоятельства не позволили основательно изучить ее. При выезде из Казани, по сибирскому тракту, вид прелестный: в этом виде что-то пошире той природы, к которой мы привыкли. Русское население сменялось татарским, татарское — финским. Жалкие, бедные племена черемис, вотяков, чувашей и зырян нагнали на меня тоску. Я вспомнил императрицу Екатерину; она писала в 1767 году к Вольтеру из Казани: «Я в Азии! Я собственными глазами хотела видеть этот край. В Казани двадцать различных народов, несколько не похожих друг на друга; а им надобно спать одну одежду, удобную для всех. Конечно, есть общие начала, но частности, и какие частности: надобно создать целый мир, соединить его, сохранить». Великая императрица постигла многое, окинув гениальным взором один участок России, которую Петр Великий не напрасно называл целою *частью света*.

А. Г.

* Сафьянные сапоги и шитые шапочки.— *Примеч. Герцена.*